

Л.В. Ноговицина

*Елабужский государственный
педагогический университет*

ВОПРОСЫ АДВЕРБИАЛИЗАЦИИ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ (о некоторых спорных проблемах в грамматике)

В этой небольшой по объему работе мы попытаемся осветить особенности адвербиализации падежных форм существительных на материале примеров из текстов В.М.Шукшина (Шукшин 1992).

Установлено, что последовательность появления частей речи в истории развития языка в определенной степени прослеживается по типам переходности слов. Так, возникновение служебных слов и междометий на базе знаменательных дает основание утверждать, что эти классы слов появились позднее знаменательных частей речи. Прономинализация лексически полнозначных слов в современном русском языке также говорит о том, что местоимение как часть речи, указывающая на предметы, признаки и количества, не могло возникнуть раньше, чем существительное, прилагательное и числительное, называющие сами эти предметы, признаки и количества. Исторические исследования показывают, что в древний период переходность играла важную роль в развитии языка: числительные возникли из существительных и прилагательных, наречия — из прилагательных, существительных и глаголов, инфинитив из отглагольных существительных. На базе кратких форм действительных причастий появились современные деепричастия.

Для того чтобы судить об относительной хронологии частей речи, необходимо учитывать также состав их грамматических категорий, арсенал средств словоизменения и словообразования. А поскольку формирование богатой системы морфологических категорий и развитого словообразовательного аппарата требует длительного времени, можно допустить, что, например, суще-

ствительные и глаголы появились раньше, чем прилагательные и наречия.

Таким образом, переход слов в области частей речи может проявляться в изменении их синтаксической функции, общеграмматического и лексического значения, синтаксической и лексической дистрибуции, морфологических свойств, морфемной структуры и словообразовательных возможностей, фонетических особенностей. Чаще всего он выражается в изменении комплекса наиболее важных свойств части речи и может завершаться фонетическими преобразованиями. Различают две формы перехода в сфере частей речи: быстрый (скачкообразный) и медленный. Чем дальше друг от друга по грамматическим свойствам части речи, тем быстрее протекает процесс перехода. И наоборот, чем ближе по своим грамматическим характеристикам классы слов, тем медленнее он осуществляется. Так, из знаменательных частей речи слова гораздо быстрее и легче переходят в служебные части речи, чем в другие знаменательные.

В.Н.Мигирин замечает, что переход, ведущий к образованию новых единиц языка, в большинстве случаев “совершается в направлении от более сложной по своим лексико-грамматическим признакам части речи к более простой. Знаменательные части речи трансформируются в служебные, но нет обратной трансформации. Причастия трансформируются в прилагательные, но нет трансформации в обратном направлении. Существительные перерождаются в наречия и числительные, но нет наоборот. Глаголы трансформируются в разные части речи, но последние не перерождаются в вербальные слова” (Мигирин 1971). Согласно автору, существует обратимая и необратимая трансформация частей речи. Необратимая трансформация характеризуется тем, что переход слов из одной части речи в другую происходит лишь в одном направлении — из наречий слова переходят в предлоги, но нет обратного перехода предлогов в наречия, прилагательные пополняют класс существительных, вместе с тем отсутствует переходность слов из существительных в прилагательные и т.п.

Переходные факты в области частей речи являются следствием того, что отдельные слова на почве звуковых изменений и изменений значения, происходящих в них самих и в связан-

---

ных с ними ассоциативно словах, медленно и постепенно переходят из одной категории в другую. Процесс этот вечен в языке, и в тех случаях, когда процесс для данного слова закончен, когда оно уже перешло в новую категорию, мы, конечно, никакой “переходности” не видим. Но когда переход совершается на наших глазах, когда длинный процесс перехода своей серединой занял как раз переживаемую нами эпоху, тогда мы останавливаемся в недоумении над словом и не знаем, к какой части речи его отнести. Но наиболее резко выражена и чаще всего встречается переходность в области наречий. Дело в том, что все наши наречия, кроме весьма немногих, так называемых “первообразных” (как здесь, там, тут, тогда, всегда и некоторые др.), произошли сравнительно недавно, уже в славянскую эпоху, из прилагательных и существительных. Процесс перехода заключался здесь в так называемой “изоляции” какого-нибудь одного падежа существительного или прилагательного из общей системы склонения. “Изоляция” эта протекала, понятно, крайне медленно. Она вызывалась либо тем, что остальные падежные формы понемногу переставали употребляться, отмирали, либо тем, что они начинали употребляться не в том значении всего слова, в котором употреблялась данная форма падежа, либо тем, что сама данная падежная форма начинала употребляться не в своем падежном значении или не в том значении всего слова, в каком употреблялись остальные падежные формы, либо тем, что она получала какое-нибудь звуковое отличие от остальных падежей сверх тех отличий, которые полагались ей как отдельной падежной форме, либо тем, что все остальные падежи получали это отличие, либо тем, что предлог сливался с падежом в одно целое понятие и тем вырывал его из системы, либо, наконец, соединением (и это чаще всего) всех или некоторых из этих фактов. Изолированный падеж, теряя свои нормальные связи в предложении, притягивался синтаксически исключительно к глаголу, начинал обозначать признак признака и делался наречием (Пешковский 1956: 142-143).

Переходность в сфере частей речи является одним из факторов, способствующих консервации в языке старых морфологических образований. Благодаря адвербиализации сохранились в застывшем виде некоторые древние падежные формы, напри-

мер: *поделом* (старая форма дательного падежа множественного числа), *воочию* (старая форма двойственного числа), *домой* (старая форма дательного падежа единственного числа). Явления переходности дают нам представление и о тех словах, которые когда-то употреблялись в речи, а затем исчезли. Так, наречия *вкривь*, *вкось*, *опрометью*, *второпях* сохранили в своей структуре бывшие падежные формы некогда употреблявшихся существительных *кривь*, *кось*, *опрометь*, *торопь*.

Процесс превращения падежных форм имен существительных в наречия протекает в современном русском языке очень активно. Разные именные формы, вступившие на путь адвербиализации, находятся на разных этапах этого пути.

Синтаксическое ограничение области употребления того или иного существительного или отдельной его падежной формы выражается в сужении круга согласующихся с ним определений. Полная утрата способности определяться именем прилагательным означает переход формы существительного в наречие. Резкое понижение этой способности является симптомом переходного состояния. Например: Гринька остановился шагах в четырех, выбрал *на ощупь* сосенку потоньше, стал перетирать об нее ремень (Шукшин 79). *Ощупью* прошел к лавке, в передний угол, тяжело опустился (там же 174).

Уже А.А.Потебня указывал, что все вообще формы творительного падежа имени существительного в функции сравнения и образа действия находятся на полпути к адвербиализации. Например: Полуторка летела на предельной скорости, *чудом* минуя выбоины (там же 345). Еще ближе к наречию формы творительного времени. Но и здесь двойственность очевидна. Например: И вот спит *ночью* Кирька и снится ему такой сон... (там же 71). *Лунной, хорошей ночью* подломил конюшню Ефима Беспалова, выбрал пару жеребцов, взнуздал... (там же 72). *Утром* Платоныч едва добудился Кузьму (там же 43). ...*светлым весенним утром*, Агафья, собирая на стол завтракать, между прочим рассказала, как вчера братья Любавины приходили сватать Марью Попову (там же 67).

Полунаречные формы предложного-местного падежа единственного числа мужского склонения на -у с предлогами *в* и *на*

(типа *на носу, на корню, в ладу*) находятся на разных стадиях адвербиализации. Некоторые формы на *-у*, сочетаясь с именами прилагательными, заменяют окончание *-у* обычным окончанием предложного падежа *-е* и приобретают иную семантическую окраску (например, *на свету, но на ярком свете; в роду, но во всем роде* и некоторые другие). Другие формы на *-у* вообще не допускают вставки определяющего слова между предлогом и именем, решительно примыкая, таким образом, к наречиям. Например: – Пить со мной он, конечно, не станет: он человек *на виду*, нельзя... – поразмышлял Ефим (там же 459).

Не лишено значения обилие промежуточных застывших выражений полудиоматического типа, например: *на хорошем, на плохом счету* (ср. *каждая копейка на счету*), *на каждом шагу, на своем веку, в соку, в полном соку* и т.п. У ряда слов смешанное употребление формы, совмещающей значения имени существительного и наречия, ведет к тонким и изменчивым смысловым нюансам. Происходит своеобразное колебание формы между функциями имени существительного и наречия. Например: Майя, *на ходу* оправляя волосы, ушла в прихожую комнату (там же 446). А его не будет там, и он не заорет весело *на бегу*: “Давай, бабка, кочегарь, а то на буфере поедешь!” (там же 251).

Кроме того, степень лексической употребительности отдельных падежных форм имени существительного не одинакова. Поэтому какое-нибудь слово может вымереть, исчезнуть, а те или иные формы его в определенных сочетаниях продолжают жить. Понятно, что случаи предложного употребления таких форм – при наличии подходящих условий – превращаются в наречия. Именно таким образом складываются продуктивные морфологические типы образования наречий.

Эти простейшие грамматические случаи, позволяющие проследить весь ход адвербиальной изоляции именной формы, конечно, не уясняют происхождения разнообразных типов наречия. Но общие закономерности, которые вытекают отсюда, помогают раскрыть образование и других видов наречия. Так, например, понятно, что распад системы именного склонения прилагательного не мог не оставить следов и отложений в категории наречия. Предложные и беспредложные формы кратких прила-

гательных (*спроста, на босу ногу, смолоду*) застревают здесь как остатки старой системы. Таким образом, наряду с выпадением формы какого-нибудь падежа из системы склонения (например: *со смеху, на дому*), наряду с обособлением какой-нибудь функции падежа (например, творительного образа действия), образованию наречий содействует разрушение всей системы склонения какого-нибудь именного типа (пример – именное склонение кратких прилагательных).

Можно наметить и еще целый ряд причин чисто грамматического характера, способствующих превращению отдельных именных форм в наречия. Так, адвербиализация существительных тесно связана с изменениями значений предложных конструкций, со смысловой изоляцией отдельных предложных форм. В связи с предложным употреблением имени существительного иногда возникают акцентологические дублеты, устанавливаются акцентологические различия именных и наречных форм. Двойственность ударений, связанных с одной формой, содействует дифференциации имени существительного и наречия. Вообще же у наречий, производных от имен существительных, намечается тяготение к конечной акцентовке, в то время как у наречий качественных на *-о*, местоименных на *-ому, -ему* с предлогом *по* и в отделе причастных на *-а, -я* наблюдается противоположное стремление к различительному переносу ударения с конечного слога (ср.: *молча, нехотя, мало* и т.п.).

Кроме того, адвербиальная изоляция именных форм может быть результатом действия сложных и многообразных синтаксико-фразеологических факторов. Так, разные конструкции с плеонастическим или тавтологическим повторением основ имен существительных и прилагательных (вроде творительного усиления), как уже было отмечено А.А.Потебней, обычно ведут к образованию наречий. В них реальное значение слова поглощается функцией эмоционального усиления. Например: *давным-давно, полным-полно, слыхом не слыхать, видом не видать* и т.п.; ср.: *болван болваном, дурак дураком* и т.п. Уже из этих примеров ясно, что идиоматичность оборота очень часто бывает связана с разными синтаксическими формами лексических повторов. На этой почве возникают многочисленные типы наречных идиоматиз-

---

мов. В качестве иллюстрации можно привести наречную фразеологию. Например: Кондрат *время от времени* трогал вожжами и равнодушно говорил... (там же 23). И работал он *от зари до зари* – молча, терпеливо, упорно (там же 14). *Шаг за шагом* вспоминал и снова переживал он вчерашнюю ночь (там же 44). В образовании и судьбе наречных идиоматизмов очень ясно видно взаимодействие грамматических явлений с лексическими. Это естественно. Грамматический строй наречий, как и всех других категорий, складывается и изменяется в тесной связи с социальной историей словаря, со сменой семантических систем. Так, уже процесс вымирания какого-нибудь существительного, сопровождающийся консервированием отдельных его форм в определенных фразеологических контекстах или синтаксических конструкциях, ведет к адвербиальному переосмыслению остатков. Например: – Семь лет!.. – Витька вскочил с нар, заходил по камере. – Все *прахом!* Вся, вся жизнь *кувырком!* (там же 153).

Сохранение тех или иных слов и выражений только в некоторых конструкциях и адвербиализация этих недостаточных форм не могут быть уяснены без изучения их семантических возможностей, без анализа их лексического употребления.

Метафорическое переосмысление одной падежной формы слова, связанное с определенным фразеологическим контекстом, превращает эту форму в отдельное слово, если новое значение не распространяется на все прочие формы слова. Так, под влиянием шутливо-метафорического применения военной терминологии и фразеологии к выпивке слово *залом* тесно связывается с глаголом *выпить*. По-видимому, это сближение первоначально наметилось в жаргонах военной среды. Форма *залом* в функции прилагательного обозначения образа действия приобретает значение: сразу, разом, без передышки. Это переносное значение отрывает форму *залом* от слова *зал* и превращает ее в отдельное наречие. Например: Емельян Спиридоньч нахмурился еще больше, *залом* шарахнул стакан, крикнул и захрустел огурцом (там же 48).

Но еще рельефнее выступает процесс семантической изоляции именной формы и ее адвербиализации при фразеологичес-

---

ком сращении ее с другим словом или со строго замкнутой группой слов. В таких закрытых фразеологических сочетаниях и фразеологических единствах слова приобретают новые смысловые оттенки. При таких условиях падежные формы, сочетающиеся с определяемым словом по принципу примыкания или при посредстве предлогов, обычно переходят в наречия и превращаются в отдельные слова и выражения. Например: Парнишка смысленый, весь “Интернационал” *назубок* знает (там же 48).

Фразеологические сочетания обычно не уничтожают отдельности компонентов, и наречие может вырваться из плена одной фразы или серии фраз, отделиться от своего тесного фразеологического окружения и стать самостоятельной свободной или фразеологически связанной лексемой с новым значением. (Ср., например, просторечное выражение *до чертиков* в значении усиительного наречия – очень, в высшей степени (*устал до чертиков*), оторвавшееся от фразы *напиться до чертиков*.) Кроме того, необходимо помнить, что множество наречий является продуктом тех семантических изменений, которым подверглись слово или группа слов в процессе калькирования или перевода чужезычной, преимущественно западноевропейской лексики и фразеологии. Таковы, например, *разбить наголову, на дружеской ноге, раз навсегда, подшофе* и т.п.

Итак, в разных явлениях адвербиализации имен наблюдается столкновение диаметрально противоположных тенденций. С одной стороны, наречие выступает как грамматическая категория, притягивающая к себе остатки и вымирающие, слабые типы именных форм и конструкций и на их основе воздвигающая свою собственную систему грамматических форм и функций. Но, с другой стороны, и некоторые продуктивные категории имен существительных (например, творительный образа действия или конструкции с местным-предложным падежом и предлогами *в* и *на* для обозначения состояния, назначения и т.п.) оказываются свежими грамматическими резервуарами, из которых льется широкий поток наречий. Кроме того, категория наречий широко пополняется идиоматизмами и фразовыми сочетаниями. А навстречу этому течению снова движется живая струя лексических неологизмов и заимствований в форме наречий, несущих

щихся в литературную речь из разных социальных диалектов или чужих национальных языков.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Учебное пособие для вузов. Отв. ред. Г.А.Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.

Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Бельцы, 1971.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М.: Гос. учебно-педаг. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1956.

Шигуров В.В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении. Учебное пособие. Саранск, 1988. 88 с.

Шукшин В.М. Собрание сочинений: В 6 тт. Т.1.: Любавины: Роман. В 2-х кн. / Предисл. С.Зальгина; Комм. Л.Аннинского. М.: Мол. гвардия, 1992. 557 с.